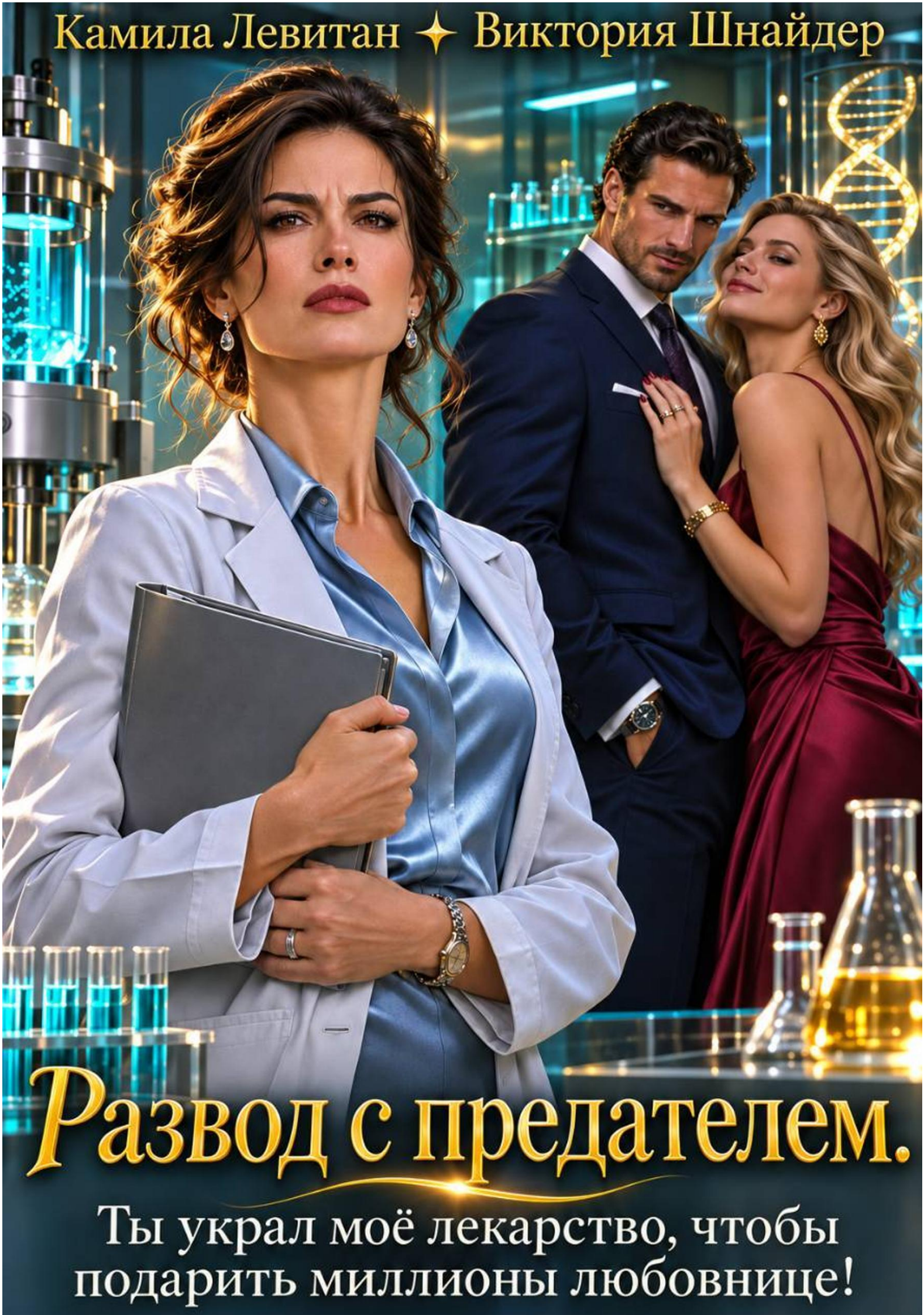

Камила Левитан ✦ Виктория Шнайдер
Развод с предателем.
Ты украл моё лекарство, чтобы подарить миллионы любовнице!

Виктория Шнайдер

Развод с предателем. Ты украл моё лекарство, чтобы подарить миллионы любовнице!

«Автор»
2026

Шнайдер В.

Развод с предателем. Ты украл моё лекарство, чтобы подарить миллионы любовнице! / В. Шнайдер — «Автор», 2026

Десять лет я создавала лекарство, способное изменить жизни тысяч людей. Но однажды муж объявил себя автором моего открытия, подделал подпись и занял кресло директора лаборатории.Мои исследования достались ему, а рядом уже красовалась новая женщина — дочь влиятельного владельца корпорации. Меня выгнали из института, лишили доступа к разработкам и заставили сомневаться в собственной безопасности.Игорь уверен, что без лаборатории я никто. Но оригиналы формул он так и не нашёл.Помощь предлагает опасный Александр — человек с властью и собственными тайнами. Довериться ему значит снова рискнуть свободой.Я верну своё открытие, разоблачу предателей и заставлю мужа пожалеть о каждом украденном дне.

© Шнайдер В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 18
Глава 6 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Камила Левитан, Виктория Шнайдер Развод с предателем. Ты украл моё лекарство, чтобы подарить миллионы любовнице!

Глава 1

Кофе в кружке уже остыл, превратившись в горькую лужицу с пленкой на поверхности. Я не стала его пить. Просто поставила чашку на край стола и потянулась к сейфу. Десять лет. Десять лет я приходила сюда ровно в восемь утра, пока коридоры НИИ «БиоСинтез» еще спали под толстым слоем стерильной тишины. Пахло озоном от кондиционеров и чуть-чуть — разогретым пластиком приборов. Знакомый до тошноты запах моей жизни.

Мои пальцы привычно скользнули по холодному металлу дверцы. Ключ повернулся с легким щелчком, но ручка не поддалась. Я нахмурилась. Замок заклинило? Странно. Я приложила усилие, надавила плечом. Металл обжигал кожу, оставляя белые следы на костяшках. Ничего. Дверца даже не шелохнулась.

— Черт возьми, — выдохнула я, чувствуя, как внутри начинает подниматься раздражение. Это был мой личный сейф. Здесь лежали мои черновики, мои расчеты, папка с первыми прототипами молекулы, которую мы с Игорем называли «Нейро-Синтезом».

Я достала телефон, чтобы позвонить администратору этажа, Валере. Гудки шли долго, монотонно, высасывая из меня последние остатки спокойствия. Наконец, голос в трубке прохрипел:

— Да? Вера Сергеевна?

— Валера, у меня замок заклинил. Можешь подняться? Нужно вскрыть ячейку.

Пауза была слишком длинной. Слишком тяжелой.

— Не могу, — сказал он наконец. Его голос стал сухим, казенным. — Приказ сверху. Все личные ячейки сотрудников переводятся на техническое обслуживание. Доступ ограничен до особого распоряжения нового руководства.

— Какого нового руководства? — спросила я, и слово «руководства» прозвучало в пустом кабинете чужеродно, как удар гонга. — Игорь здесь с восьми? Он же менеджер, а не директор.

— Новый приказ подписан вчера вечером, Вера Сергеевна. Извините.

Телефон замолчал. Я опустила руку, чувствуя, как пальцы дрожат. Холод металла теперь проникал сквозь ткань халата, впиваясь в предплечье. Вчера вечером. Когда я готовила ужин. Когда я думала, что мы обсуждаем будущую поездку в отпуск.

Я резко развернулась к своему столу. Там, поверх стопки рабочих заметок, лежал белый лист плотной бумаги. Я взяла его. Чернила еще пахли свежестью.

ПРИКАЗ № 42-К

На основании решения Совета директоров корпорации «Вектор Фарма»...

...назначить Ветрова И.А. исполняющим обязанности директора НИИ «БиоСинтез» за разработку уникального препарата...

Мир качнулся. Я схватилась за край стола, чтобы не упасть. Бумага дрожала в руках. «За разработку». Моя разработка. Мои бессонные ночи. Мои годы, отданные науке, вместо того чтобы учиться продавать воздух. Я искала глазами подпись гендиректора. Она была там. Красивая, витиеватая закорючка. Настоящая.

Дверь кабинета открылась без стука.

Игорь вошел так, будто это был его дом. Его костюм сидел идеально, синий пиджак подчеркивал широкие плечи, которых у него никогда не было, когда мы только познакомились. Теперь они казались мне гротескными. На лице — улыбка. Теплая, домашняя, та, которой он улыбался коту, когда тот просил еду.

— Доброе утро, солнце, — произнес он мягко. Его голос лился медом, сладким и липким. — Ты рано сегодня. Обычно ты любишь поспать подольше после ночных бдений над молекулами.

Он сделал шаг ко мне, протягивая руки. Хотел обнять. Его ладони были большими, влажными. Я отшатнулась назад, ударившись спиной о стену. Ткань халата хрустнула.

— Не трогай меня, — прошептала я. Горло перехватило, слова царапали нёбо. — Что это?

Игорь посмотрел на бумагу в моей руке, потом на меня. Улыбка не сошла. Она стала шире, обнажая ровные, белые зубы.

— А, это? Так, формальность. Корпорация решила оптимизировать структуру. Мне нужно было место, где я смогу быть ближе к продукту. Ну и к тебе, конечно. Мы же команда, Вера.

— Команда? — Я засмеялась. Смех вышел рваным, похожим на кашель. — Ты присвоил мой патент. На документе написано «разработка уникального препарата». Это моя работа. Это десять лет моей жизни!

Игорь вздохнул, словно я капризничала из-за мелочи. Он достал из папки под мышкой планшет и положил его на стол передо мной. Экран светился синеватым холодным светом.

— Посмотри, дорогая. Юридически безупречно.

Я наклонилась. Передо мной лежала копия заявки на патент. Автор изобретения: Ветров Игорь Александрович. Соавтор/технический консультант: Ветрова Вера Сергеевна.

Подпись. Под ней стояла моя фамилия. Но почерк был не мой. Идеально ровный, аккуратный, машинный. Фабрикация. Грубая, наглая фабрикация.

— Это подделка, — сказала я тихо.

— Это твоя ошибка, — парировал он, нависая надо мной. Его тень накрыла меня целиком. — Ты всегда была слишком умной для бизнеса, Вера. Ты копалась в деталях, в побочных эффектах, в этике испытаний. А деньги делаются на скорости. На агрессии. На том, чтобы взять и не отдавать.

Он подошел ближе. Я чувствовала запах его одеколона — древесный, резкий, душивший до головной боли. Он положил руку мне на плечо. Я вздрогнула, как от удара тока.

— Ты слишком много думала о молекулах, Вера, и мало о деньгах, — прошипел он мне в ухо. — Теперь ты мне не нужна.

Я всё ещё чувствовала его пальцы на плече. Десять лет он называл меня солнцем. Теперь — «не нужна». Даже имени не произнёс.

Медленно выпрямилась, глядя на его ладонь. Ещё утром я поправляла ему воротник перед выходом. Теперь хотелось оттолкнуть эту руку так, чтобы он ударился о стол. Слёзы отступили; можно было говорить. Мужа я больше не узнавала — зато прекрасно слышала каждое слово человека передо мной.

— Убери руки, — приказала я. Мой голос звучал чуждо, низко и твердо.

Игорь усмехнулся, но руку убрал.

— Доступ к серверам аннулирован. Пропуск деактивирован. Лаборатория закрыта для тебя до выяснения обстоятельств... ну скажем, твоего эмоционального состояния. Ты можешь забрать свои личные вещи. Оставь рабочие материалы. Они собственность компании.

Он отвернулся к окну. В стекле я видела его улыбку: ему нравилось смотреть, как я собираю вещи. Пусть смотрит. Пока он занят моим унижением, я смогу уйти.

Я молча начала собирать вещи. Фотографию наших родителей (он тоже их любил, пока им можно было пользоваться). Кружку с отбитым краем. Ручку. Каждое движение было механическим, отточенным годами рутины, но внутри все горело черным огнем. Я не смотрела на него. Я запоминала. Как он держит плечи. Как поблескивает глаз, когда думает, что никто не видит. Как дрожит кончик указательного пальца, когда он нервничает. Он нервничал. Значит, ему было важно мое молчание.

Сняв халат, я надела куртку, закинула сумку на плечо и направилась к двери.

— Вера, — окликнул он, когда я была уже на пороге. — Будь осторожна. Судебные процессы — дело грязное. А ты такая хрупкая.

Я не обернулась. Просто вышла.

Коридор встретил меня гулом вентиляции и белым стерильным светом ламп. Администратор Валера сидел за ресепшеном, глядя в монитор. Он не поднял глаз, когда я прошла мимо.

Лифт ехал бесконечно долго. Цифры на табло менялись вяло, высасывая время. Я прижалась лбом к холодным зеркальным стенкам кабины. Отражение было бледным, глаза темными провалами. Кто я теперь? Жена директора? Нет. Бывшая жена. Бывший сотрудник. Никто.

Первый этаж. Турникет.

Я приложила пропуск. Красный огонек. Бип. Отказ.

Еще раз. Красный.

Охранник, молодой парень в серой форме, который обычно здоровался со мной «Здравствуйте, Вера Сергеевна», сейчас смотрел куда-то в сторону.

— Пропуск недействителен, — буркнул он.

— Проверьте базу данных, — потребовала я. Голос дрогнул. Я ненавидела себя за эту дрожь.

— Инструкция есть инструкция, Вера Сергеевна. Покиньте территорию. Пожалуйста.

Он нажал кнопку, освобождая турникет только на выход. Я протиснулась мимо него, прижимая сумку к животу.

«Пожалуйста» звучало как плевок.

Я вышла на улицу. Дождь барабанил по асфальту, смывая пыль и грязь города. Воздух был прохладным, сырым, пах мокрым бетоном и выхлопами. Стекло фасада НИИ отражало небо — серое, мутное, равнодушное.

Я стояла под козырьком входа, чувствуя, как капли бьют по лицу, смешиваясь с тушью. Тушь текла черными дорожками, пачкая щеки. Я не стала вытирать. Пусть течет. Пусть весь мир видит, как меня унизили.

Куда идти? До остановки — через дождь, домой — к Игорю. Я так и стояла под козырьком, мешая людям проходить. Кто-то задел мою сумку и даже не обернулся. Вчера у меня были работа, зарплата, муж; сегодня я не могла решить, в какую сторону шагнуть.

Ноги подкосились, и я оперлась рукой о кирпичную стену здания. Свободной рукой я запахнула куртку; пальцы задели твердый угол в глубоком внутреннем кармане. Там что-то было. Что-то твердое, прямоугольное, знакомое до боли.

Я замерла. Медленно, боясь дышать, просунула руку внутрь. Пальцы сомкнулись на шершавой обложке блокнота.

Глава 2

Старый блокнот. Тот самый, в который я записывала промежуточные расчеты синтезатора три дня назад. Я собиралась положить его в сейф, но вчера вечером оставила в кармане куртки, чтобы утром не забыть дома. Еще накануне я вспомнила, что Игорь любит рыться в моих вещах, когда думает, что я не вижу. Он искал пароли. Искал компромат.

И тогда, накануне вечером, я сделала то, чего он никогда бы не ожидал от послушной, покорной жены-ботаника. Я аккуратно вспорола подошву своих старых, разношенных ботинок, которые стояли в углу гардеробной, и переложила туда оригинальные флешки с исходниками кода и чертежами оборудования. А этот блокнот... этот блокнот я оставила здесь, в кармане куртки, надеясь, что если он и обыщет мои вещи, то подумает, что это мусор. Старые записи. Неважные.

Я вытащила блокнот. Обложка была мокрой от дождя и тепла моего тела. Внутри, между страницами с химическими формулами, была спрятана маленькая, тонкая карта памяти.

Сердце пропустило удар. Потом другой. Больно забилось в висках.

Я вернула блокнот с картой в карман. Дождь усилился, смывая тушь с ресниц, размывая контуры мира, но не мог смыть ощущение, как твердый угол блокнота упирается в ребра через ткань куртки. Под обложкой оставалась карта с данными. Он мог отнять пропуск, запереть сейф, выставить меня под дождь — а эти записи всё ещё были у меня. Я осторожно поправила блокнот, чтобы не выронить его из мокрого кармана.

Прижала карман ладонью к ребрам. Я знала, где лежат оригиналы. И я знала, что он даже не догадывается, что я оставила их в подошве своих ботинок.

Воздух в гостиной был густым, как сироп от чужого успеха. Пахло дорогим виски и сладким лосьоном для тела. От этого запаха у меня во рту снова появился привкус железа: так пахло рядом с Игорем, когда он обнимал Марину. Десять лет мы жили здесь, в этой квартире на окраине наукограда, а сегодня она превратилась в триумфальный зал для его новых друзей.

Игорь стоял в центре комнаты, расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, и смеялся — громко, бархатно, так, как он умел только когда чувствовал себя хозяином положения. Вокруг него толпились люди в костюмах, которых я раньше не видела. Лица у них были заученно-вежливыми, но глаза горели жадностью хищников, почуявших свежую кровь.

Я шагнула внутрь. Мои тапочки шлепнули по паркету слишком отчетливо в этом хоре смеха. Ближайшие гости замолчали; в глубине комнаты ещё смеялись, не заметив меня. Я услышала собственные шаги и сразу пожалела, что пришла в тапочках. Игорь заметил меня последним. Его улыбка не дрогнула, даже не треснула. Она стала шире, демонстративнее.

— А, вот и наша тихоня, — протянул он, обнимая за талию Марину Лаврову. Дочь владельца корпорации прильнула к нему, как кошка к камину, и бросила в мою сторону взгляд, полный скуки и превосходства. — Извините, друзья. Жена. Ей нужно... отдохнуть.

При виде его руки на чужой талии меня затошнило. Я сглотнула, чтобы не выдать себя перед гостями. Я подошла ближе, игнорируя чужие взгляды, скользящие по мне, как лучи сканера в аэропорту.

— Игорь, — мой голос прозвучал хрипло. Я попыталась прочистить горло, но оно было забито комом. — Нам нужно поговорить. Наедине. Сейчас.

Он даже не повернул головы. Его пальцы скользнули по плечу Марины, рисуя что-то на её коже, интимное и грубое одновременно.

— Иди спать, Вера, — шепнул он, наклоняясь к моему уху. Его дыхание было горячим, противным. — Ты мне мешаешь. Стыдно же. Посмотри на этих людей. Они платят за воздух, которым ты дышишь.

Кровь ударила в лицо. Жар, потом холод. Я схватила его за рукав пиджака. Ткань была дорогой, мягкой, почти живой под моими дрожащими пальцами.

— Ключи, — выдохнула я. — От сейфа. Там мои черновики. Верни их. Это единственное, что принадлежит мне.

Игорь резко дернул рукой. Так сильно, что я потеряла равновесие и чуть не упала. Он посмотрел на манжету своего пиджака, где остались следы от моих пальцев, и с брезгливой гримасой отряхнул ткань. Будто стряхивал пыль или, хуже того, экскременты.

— Истеричка, — громко сказал он, обращаясь к компании, которая замерла в ожидании шоу. — Она не понимает бизнес-процессов. Думает, что наука — это магия. А это, деточка, просто цифры на бумаге. Цифры, которые теперь подписаны моим именем.

Марина хихикнула. Кто-то из гостей тоже усмехнулся. Звук этот ударил меня в солнечное сплетение сильнее, чем физическая сила Игоря. Я развернулась и пошла в спальню. Ноги казались ватными, чужими.

Дверь спальни закрылась за мной с глухим щелчком. Темнота, пахнущая нашим общим одеколоном — цитрус и сандал, — давила на виски. Я бросилась к тумбочке, где лежали мои документы и телефон. Пальцы скользили по гладкому пластику. Телефон включился, экран вспыхнул белым светом, ослепляя. Нет сети. «Нет сигнала». Ноль полос.

Сердце заколотилось где-то в горле. Домашний Wi-Fi еще работал. Я открыла банковское приложение, надеясь хотя бы заказать такси. Вместо баланса всплыло: «Карта заблокирована». Обновила страницу. То же самое.

Где-то в коридоре засмеялись. Громко, победно.

Щелчок замка. Дверь спальни открылась, и в комнату вошел Игорь. Он закрыл дверь обратно и повернул ключ. Дважды. Звук поворота механизма был оглушительным, как выстрел.

— Ты куда собралась? — спросил он спокойно, опираясь спиной о дверь. Его силуэт в полумраке казался огромным, зловещим.

— Мне нужно уйти, — прошептала я.

— Нет, — улыбнулся он. — Ты останешься. Впереди суд по клевете. Судья должен видеть тебя рядом со мной. Должен видеть «надежную жену», которая поддерживает мужа в трудный момент. Если ты сейчас уйдешь, они решат, что ты признала вину. Или что ты сумасшедшая. А нам нужна вторая версия.

Он сделал шаг ко мне. Я отступила к кровати, чувствуя, как спина упирается в жесткий каркас.

— Ты не можешь меня держать силой, Игорь! Мы же семья! Десять лет! Я делала этот препарат своими руками! Я не спала ночами! Я теряла волосы от стресса, пока ты ходил на эти свои бессмысленные встречи!

Игорь рассмеялся. Тихо, почти ласково. Он подошел вплотную, и я почувствовала запах алкоголя и чужих духов на его воротнике.

— Семья? Вера, ты путаешь быт с любовью. Наука — это детская игра для тех, кто боится взрослой жизни. А я вырос. Я всегда презирал твой «запах реактивов». Этот кислый дух, который въелся в твои волосы, в твою кожу. Ты была обузой. Просто случайно подвернулась инвесторам, которые искали лохов для отмывания денег. А я использовал тебя. Как инструмент. Как ступеньку.

Слова падали на меня, как камни. Каждый удар выбивал воздух из легких. Я смотрела на его лицо и не узнавала его. Черты те же: прямой нос, тонкие губы, серые глаза. Но внутри не было ничего человеческого. Только пустота и расчет.

Я потянулась к карману домашнего платья, всё ещё глядя ему в лицо. Там, в глубине ткани, был маленький твердый предмет. Флешка. Резервная копия всех исходных данных, чер-

тежей молекулярной модели, переписки с лабораторией. Та самая, которую я носила годами, как талисман, на всякий случай.

Я достала её. Металлический корпус холодил пальцы.

— Если ты сделаешь хоть один шаг в мою сторону, я отправлю это журналистам прямо сейчас, — сказала я. Голос дрожал, но слова были четкими. — Там всё. Доказательства кражи. Схемы синтеза. Твои письма военным подрядчикам.

Игорь посмотрел на флешку. Потом на меня. Его глаза сузились.

— Журналистам? — переспросил он.

Он сделал резкое движение. Быстрое, почти звериное. Его рука метнулась к моей. Я не успела отдернуть. Пальцы Игоря сомкнулись на запястье, сжимая кости так, что затрещало. Он вырвал флешку из моей ладони.

— Ты думаешь, я не просчитал этот вариант? — произнес он, разглядывая крошечный кусок металла. — Ты слишком предсказуема, Вера. Для химика ты совсем не умеешь анализировать данные.

Он положил флешку на стол. Взял тяжелый стеклянный стакан с водой. Ударил дном стакана по флешке. Один раз. Второй. Пластик и металл хрустнули, рассыпаясь на мелкие осколки. Чип памяти отлетел в угол, блестящий, бесполезный.

— Смотри, — приказал он, схватив меня за подбородок и заставляя смотреть на мусор. — Это конец.

Я смотрела на осколки и пыталась различить чип. Там были чертежи, письма, расчёты — я ещё секунду назад держала их в руке. Теперь даже наклониться за ними не могла. Под рёбрами свело так, что пришлось открыть рот: воздуха всё равно не хватало. Я рухнула на колени. Паркет был холодным. Холод пробрал через ткань домашней одежды, впиваясь в кожу. Слезы потекли сами собой, горячие и униженные.

Игорь навис надо мной. Его тень полностью накрыла меня.

— Бумаги на развод готовы, — продолжил он ровным, деловым тоном, будто читал меню. — Квартира куплена на мои средства. Ты не имеешь права претендовать на жилплощадь. Адвокат уже прислал бумаги. Подпишешь завтра. Или будешь жить в общаге для бездомных. Выбор за тобой, жена.

Плач стих. Я подняла голову. Взглянула ему в глаза. И увидела там не торжество, а страх. Маленькую искру сомнения. Он боялся, что я не сломаюсь окончательно. Что роль истерички, которую легко загнать в психушку, мне не подойдет.

Он ждал, пока я попрошу оставить меня дома. Смотрел внимательно, почти с удовольствием. Я закрыла рот, проглотила очередной всхлип и подумала о ключе, оставленном в замке.

Слёзы остывали на лице, стягивая кожу. Подняв глаза, я заставила себя рассмотреть его спокойно: стоит далеко от двери, стакан в руке. Если согласиться, он расслабится. Нужно лишь произнести это без дрожи.

— Хорошо, — сказала я тихо.

Игорь моргнул. Он ожидал крика, мольбы, драмы.

— Что?

— Я согласна. На все условия.

Глава 3

Я медленно встала. Колени дрожали, но ноги держали. Я прошла мимо него, не коснувшись. Повернула оставленный в замке ключ и открыла дверь спальни. Он остался стоять посреди комнаты, растерянный, с недопитым стаканом в руке.

В коридоре снова звучал смех. Гости еще не разошлись. Они ждали финального аккорда, драки, скандала.

В прихожей я подхватила свою сумку и куртку. Документы остались в спальне; возвращаться за ними под его взгляд я не собиралась. Я шла к входной двери. В тапочках по холодному ламинату. Каждый шаг отдавался эхом в голове. Проходя мимо гостиной, я услышала, как Игорь крикнул вслед:

— Не устраивай сцен, Вера! Тебе есть куда идти?

Я остановилась у порога. Положила руку на дверную ручку. Металл был ледяным. Обернулась.

На моем лице появилась улыбка — широкая, открытая, фальшивая. Точная копия той, что он демонстрировал публике минуту назад.

— Спасибо, Игорь, — произнесла я четко, глядя ему прямо в глаза. — Ты дал мне причину жить дальше.

Его лицо исказилось. Маска уверенности сползла, обнажив шокированное недоумение. Он открыл рот, но ответить не успел. Впервые за вечер последнее слово осталось за мной.

Я открыла дверь. С лестницы тянуло прохладой и табачным дымом. Пахло свободой. Я шагнула на лестничную площадку и хлопнула дверью, оставив его среди гостей с осколками моей флешки. Спустилась по лестнице, не дожидаясь лифта. На улице ночной ветер сразу пробрал под тонкую ткань платья.

Темнота двора поглотила меня. Фонарь над подъездом мерцал, отбрасывая на асфальт неровные пятна света. Я стояла посреди улицы, в тонком платье и тапочках, с курткой на сгибе локтя и сумкой на плече, без денег, без документов, без дома. Холод проникал под кожу, заставляя зубы мелко стучать, но я не двигалась. Я слушала свое сердце. Оно билось ровно. Ровно и мощно.

Из темноты улицы, со стороны гаражей, бесшумно выехал черный внедорожник. Фары были выключены. Машина остановилась буквально в двух метрах от меня. Стекло со стороны пассажира опустилось вниз с электронным гулом.

За рулем сидел мужчина. Тень скрыла его лицо, но я видела руки — большие, сильные, с татуировками на костяшках пальцев, выглядывающими из-под манжеты дорогого пиджака.

Голос, низкий и бархатный, прошел сквозь шум ветра:

— Садись, Вера. Или они найдут тебя раньше меня.

Утром меня провели к серверной для разговора с администратором; дальше охранник идти не стал. Холод серверной ударил по щекам, как мокрое полотенце. Пахло озоном и перегретым пластиком. Я стояла перед стойкой с синими индикаторами, чувствуя, как пульс бьется в висках. Десять лет я знала этот запах. Теперь он стал чужим.

— Мне нужен временный гостевой доступ для аудита архивов, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Это рабочая необходимость.

Дима, системный администратор, даже не поднял глаз от монитора. Бледный парень с наушниками на шее, он лениво крутил колесико мыши.

— Приказ сверху, Вера Сергеевна. Мои полномочия ограничены.

Он развернулся со стулом и развёл руки над клавиатурой. Клавиши были в полуметре от меня, а дотянуться до них я могла, только оттолкнув Диму. Ещё вчера он сам просил меня помочь с архивом.

— Дай мне позвонить руководству или написать служебную записку, — потребовала я, теряя терпение. — Ты блокируешь работу НИИ.

Дима хмыкнул. Звук был сухим, неприятным. Он потянулся к доске объявлений рядом с кофемашиной, где обычно висели графики дежурств, и сорвал листок. Протянул его мне.

Это была распечатка приказа об увольнении. Рядом с моим фото, сделанным на корпоративе два года назад, черным по белому значилось: «Уволена за прогул и нарушение NDA». Дата? Сегодня. Время? Утро.

Я перечитала строку об увольнении, крепче держась за листок. Меня вычеркнули быстрее, чем я успела дойти от лифта до этого подвала.

— Ваш пропуск уже деактивирован, — ровным тоном сказал Дима, убирая ноги с подножки стула. — Вы здесь никто.

Мои пальцы сжались в кулаки, ногти впивались в ладони. Боль была единственной реальностью, которую они не могли отменить. Я развернулась и пошла прочь, но ноги сами понесли меня не к выходу, а к кабинету Игоря. Сквозь стекло двери я видела, как он жестикулирует. Там были люди. Инвесторы.

Секретарша, женщина с идеальной укладкой и холодными глазами, преградила путь.

— Игорь Александрович занят с важными партнерами, — отчеканила она. — Бывшим сотрудникам просьба не беспокоить.

«Бывших». Слово звучало как приговор.

Из-за двери донесся голос мужа — громкий, уверенный баритон, который когда-то читал мне стихи на кухне.

— ...структура молекулы позволяет снизить токсичность на 40%, — говорил он. Он читал вслух мои же тезисы. Мои годы бессонных ночей, мои слезы над пробирками. Он присваивал их себе, как новую рубашку.

Слушать, как он произносит мои цифры, я больше не могла. Я толкнула дверь. Секретарша попыталась схватить меня за рукав, но я вырвалась.

В переговорной пахло дорогим кофе и кожей. Игорь стоял у проектора. Два мужчины в костюмах смотрели на экран. На нем была схема моего синтеза.

— Вера, что ты делаешь? — Игорь не кричал. Он лишь чуть наклонил голову, глядя на меня с презрением, смешанным со страхом.

— Верни мой патент, — прошептала я. Горло перехватывало спазмом.

Игорь повернулся к охраннику, который стоял у стены.

— Выгнать. И заблокировать её биометрию во всех зданиях корпорации. Немедленно.

Охранник взял меня за плечо. Сила была огромная, безжалостная. Меня буквально выбросили в коридор. Я упала на колени, скользнув по мрамору. Вкус крови на губе был металлическим, отчетливым. Боль пронзила зубы.

Вставая, я увидела человека в сером костюме. Юрист компании. Он молча протянул мне папку. Картонные углы врезались в пальцы.

— Если вы попытаетесь получить данные незаконно, против вас возбудят дело о промышленном шпионаже, — сказал он тихо, чтобы слышала только я. Ему было плевать на правду. Ему нужно было закрыть вопрос.

Я взяла папку. Не открывая. Понимание ударило тяжелее, чем падение: любой мой шаг теперь будет использован против меня. Они создавали ловушку из воздуха.

Я добрела до своей лаборатории. Дверь была опечатана красной лентой с логотипом новой дирекции. Сквозь прозрачную полосу в матовом стекле я видела пустоту. Столы голые. Диски изъяты. Оборудование демонтировано. Охранник у входа покачал головой, даже не давая посмотреть внутрь.

Десять лет жизни стерты за одну ночь. Я смотрела на голые столы и не могла вспомнить, где стояла моя центрифуга. Даже привычные ориентиры у меня отняли.

Я вышла на улицу. Дождь начинался мелкой моросью, смывая кровь с губы. Я достала телефон, набрав номер единственного друга в НИИ, коллеги-химика, который всегда был на моей стороне.

Абонент недоступен.

Через час пришел SMS от неизвестного номера: «Не звони мне. Они слушают. Уходи из города».

От сообщения меня затрясло. Я набирала ответ, стирала и снова набирала. Даже друг просил больше не звонить. Кому я расскажу о подлоге, если люди, знавшие мою работу, боятся взять трубку? Игорь уже говорил за меня со всеми. Теперь под угрозой была не только работа: они могли добраться до меня где угодно.

Я сидела в дешевом кафе напротив НИИ, грея руки об остывающий стакан чая. Из главного входа вышли Игорь и те двое мужчин. Один из них, высокий, остановился. Татуировка, виднеющаяся из-под воротника дорогой рубашки, блеснула на свету. Он огляделся, оценивая территорию, как хищник. Его взгляд скользнул по окнам, по машинам... и на секунду задержался на мне.

Знал ли он мое имя? Его взгляд задержался на моем столике. Я убрала телефон со стола. Он искал именно меня?

Глава 4

Курьер не постучал. Он просто просунул конверт под дверь моей съёмной однушки в панельном доме на окраине. Тот шлепнулся на пол, как мусор. Я подобрала его дрожащими пальцами. Заказное письмо. Печать суда. Требование явки. Я читала требование снова и снова: что будет, если я не приду?

Я хотела порвать бумагу на мелкие клочки и смыть их в унитаз. Это блеф. Игорь так делает — мелочно, грязно, но бездумно. Я набрала номер юриста из справочника, того, что висел на доске объявлений в подъезде. Голос в трубке был сухим, как пересохшая глина:

— Вы не поняли, гражданка? Не игнорируйте письмо. Иначе они изложат свою версию без вас, а вы потом будете пытаться её опровергнуть. Вы вообще понимаете, с кем связались?

Холодок пробежал по спине, заставив волосы на затылке встать дыбом. Юрист говорил о явке, объяснениях, решении суда. Игорь больше не должен был кричать на меня сам — теперь мне звонили и присылали бумаги чужие люди. Я сглотнула ком, который царапал горло, и прижала конверт к груди. Угол бумаги колол ладонь. Я разжала пальцы и снова прочитала дату явки.

Ждать назначенной даты значило согласиться играть по их правилам. Я сунула конверт в сумку, накинула пальто и вышла из квартиры — не к юристу и не в суд, а туда, где всё это решалось на самом деле.

Через два часа я стояла в холле корпорации «Вектор Фарма». Мраморный пол отражал мои потертые туфли, и это отражение казалось мне оскорблением. Секретарша за стойкой ресепшена улыбалась идеально ровными зубами.

— Госпожа Лаврова занята стратегической сессией, — произнесла она, даже не глядя на меня.

— Мне нужно её видеть. Это срочно.

— Срочно — это для пациентов, а не для бывших сотрудников, — ответила девушка, и в её голосе звенела сталь высокомерия.

Я обошла стойку. За стеклом переговорки Марина Лаврова листала документы. Она смеялась. Голова запрокинута назад, шея обнажена, жесты широкие и уверенные. Мужчины смеялись вслед за ней. Мои черновики могли лежать прямо на этом столе. Вокруг неё сидели мужчины в дорогих костюмах, и каждый из них смотрел на неё как на богиню, дарующую милости. Я стояла за стеклом и ловила её взгляд. Никак не получалось заставить её хотя бы кивнуть мне.

Марина подняла глаза. Увидела меня. И тут же отвернулась, продолжая разговор, словно рядом пролетела назойливая муха. Не презрение. Хуже. Отсутствие внимания. Для них я уже не существовала. Я развернулась и вышла, стиснув челюсти так, что заболело ухо. Внутри всё кричало от бессилия, но снаружи лицо оставалось маской спокойствия.

Я вышла из «Вектор Фармы» и долго шла пешком, пока звон в ушах не сменился гулом города. В квартире я сняла туфли у двери и минуту стояла в темноте прихожей, прижимая конверт к груди.

Дома я сидела на полу кухни, обхватив колени руками. Холод линолеума проникал сквозь ткань джинсов, впиваясь в кости. Телефон лежал рядом экраном вниз. Я набрала номер своего научного руководителя, профессора Смирнова. Десять лет он учил меня думать фактами, а не эмоциями. Он должен понять.

Три гудка. Сброс.

Пять минут тишины. Потом SMS от общего коллеги, Дмитрия: «Игорь сказал всем в институте, что ты сорвалась с катушек после развода. Тебе лучше не соваться в академические круги. Извини, Вер.»

Изоляция стала тотальной. Деньги заканчивались, репутация превратилась в пепел, а закон теперь работал против меня. Я чувствовала себя загнанной крысой, которая понимает: выхода нет, есть только разные виды ловушек. Но внутри, под слоями страха и стыда, шевелилось что-то другое. Злость. Тихая, злая, расчетливая.

Дни до слушания я считала по остатку денег на карте. Отвечать на письма юриста не стала: все слов�� предстояло сказать в зале суда. Когда наступило назначенное утро, я поехала туда одна — адвокат мне уже был не по карману.

Предварительное слушание проходило в тесном зале районного суда. Воздух пах пылью, старыми книгами и чужим потом. Судья, мужчина с тяжелыми мешками под глазами, смотрел на меня поверх очков так, будто я ему мешала пить кофе.

— Ваша честь, я хочу заявить, что патент был украден, — начала я, выкладывая на стол копию своей черновой тетради. — Вот доказательства...

— Стоп, — перебил он на второй минуте. Его голос был монотонным, канцелярским. — Гражданка Ветрова, иск подан не по факту кражи интеллектуальной собственности. Это гражданский спор, который может длиться годами. Иск подан Мариной Лавровой как физическим лицом и директором компании о распространении заведомо ложных сведений, порочащих деловую репутацию. Требование: компенсация морального вреда в размере пяти миллионов рублей и публичные извинения.

Я замерла. Ловушка захлопнулась. Он не давал мне перейти к подделке подписи: любое объяснение возвращал к словам, сказанным при инвесторах. А публичное обсуждение внутренних данных запрещено NDA, который я подписала добровольно, не читая мелкий шрифт. Меня загнали в угол процедурой. Каждый мой шаг теперь играл им на руку.

Заседание закрыли быстрее, чем я успела осознать масштаб поражения. Я собрала бумаги и вышла из зала, держась за спинку скамьи, пока ноги не перестали дрожать.

В коридоре суда, где стены были обиты дерматином цвета запекшейся крови, меня ждал Игорь. Он опирался плечом о стену, крутя в руках золотую зажигалку. Когда я прошла мимо, он шагнул навстречу.

— Зачем тебе война, Вера? — спросил он мягко, почти отечески. Он положил руку мне на плечо. Запах его дорогого одеколона смешался с кислым запахом моего собственного страха. — Ты одна. У тебя нет ни денег, ни связей, ни будущего. Давай полюбовно. Напиши заявление, что действовала в состоянии аффекта. Забери свои слова назад. Я гарантирую тебе спокойную жизнь. Где угодно. Кроме этой страны.

Его пальцы сжимали мою ткань. Он давил на инстинкт самосохранения. Он ждал слёз. Ждал мольбы.

Я стряхнула его руку. Резко, с силой.

Он удивленно моргнул.

Я посмотрела ему прямо в глаза. В эти серые, пустые глаза менеджера по продажам, который продал душу за должность директора НИИ.

— Я запомню твой почерк, Игорь, — произнесла я тихо. В каждом слоге было больше яда, чем в его одеколоне.

Я развернулась и ушла, оставляя его стоять посреди коридора с недоумением на лице. Сердце всё ещё колотилось, но его рука больше не лежала на моём плече. Я прошла до лестницы, не оглянувшись. Он остался у стены со своей зажигалкой — и без моего согласия.

Я вышла из здания суда через боковую дверь и доехала до дома на автопилоте. Ключи дважды звенели о замочную скважину, прежде чем попали в личинку: руки до сих пор не слушались.

Вечер опускался тяжело, как мокрая простыня. Я варила доширак, когда в дверь позвонили. Не курьер. Не сосед. Звонок был коротким, настойчивым.

За дверью стояли двое мужчин в дешевых, мятых костюмах. Их лица были закрыты капюшонами, но руки — голые, татуированные, сильные.

— Коллекторы, — прорычал один из них. — Предварительное взыскание судебных расходов. Открывай.

— Убирайтесь! — крикнула я, блокируя дверь своим телом.

Они толкнули дверь. Грубо, с размаху. Петли заскрипели, жалобно и громко. Один из них просунул ногу в щель, заблокировав выход. Второй начал давить плечом.

Страх парализовал горло. Я открыла рот, чтобы кричать, но звук застрял в груди. Моё тело дрожало, зубы выбивали дробь. Дверь толкала меня в плечо при каждом ударе. Ещё немного — и я не удержу её.

Внезапно свет в подъезде погас. Подъезд утонул в темноте; свет из кухни вытянулся на пол узкой полосой.

Звук шагов. Тяжелых, размеренных, уверенных. Кто-то спускался сверху. Или поднимался снизу. Шаги приближались к двери.

Щелчок. Кто-то снаружи ударил по косяку; державшаяся на одном винте ответная планка сорвалась.

Громов оттеснил коллекторов от порога. Дверь распахнулась внутрь, и я отступила, едва не споткнувшись о коврик.

В квартиру вошел Александр Громов.

Он не включал свет. Он стоял в дверном проеме, огромная темная фигура на границе кухонного света. На нём был дорогой пиджак, который стоил больше, чем вся моя мебель. Под рукавом виднелась татуировка — черная спираль, уходящая под манжету рубашки.

Мужчины в дешевых костюмах побледнели. В полосе света я видела, как они вжимаются в стену.

Громов ничего не сказал. Он просто посмотрел на них. Одним взглядом. Взглядом хищника, который видит добычу, но пока не хочет её трогать.

— Уходите, — произнес он хрипло. Низкий баритон вибрировал в воздухе.

Коллекторы рванули к лестнице, спотыкаясь друг о друга. Через десять секунд их шаги затихли внизу.

Громов повернулся ко мне. Я прижималась спиной к холодильнику, сердце колотилось так, что отдавало в висках.

Он вошел в комнату, словно хозяин жизни. Не спрашивая разрешения. Он осмотрел кухню, мою тарелку с недоеденной лапшой, стопку книг на столе. Оценивал товар.

— Безопасность там слабая, — заметил он, указывая подбородком на дверь. — Они найдут других. И более настойчивых.

Я осталась стоять у холодильника. Человек, который прогнал коллекторов одним взглядом, теперь стоял посреди моей кухни и осматривал её, как осматривают лот на аукционе.

Александр сел на мой единственный стул. Он скрипнул ножками по линолеуму.

— Почему вы здесь? — спросила я. Голос дрожал, но я заставляла себя смотреть ему в глаза. Там, в глубине зрачков, не было ни тепла, ни сострадания. Только расчет.

Громов достал телефон. Экран вспыхнул в полутьме, освещая его резкие скулы. Он повернул устройство ко мне.

Фотография документов. Переписка между Мариной Лавровой и судьей, назначенным на моё дело. Даты, суммы, инструкции. Всё четко. Всё незаконно.

— Они хотят сломать тебя быстро, — сказал он тихо. — Использовать систему как бульдозер. Я могу сделать так, чтобы они сломались сами.

— Как? — выдохнула я.

— Цена — отказ от твоей полной автономии. Ты будешь делать то, что скажу я. Не потому что я добрый, Вера. А потому что я эффективнее.

Я смотрела на экран. Эти данные нельзя было получить легально. Принять помощь Громова означало стать соучастницей преступления. Нарушить закон ради спасения от закона. Отказаться — значит сесть в тюрьму или быть раздавленной до пыли.

Я смотрела то на экран, то на повреждённую дверь. За ней снова могли появиться двое с лестницы. Сказать Громову «нет» было легко только на словах. Передо мной оставалось два вида рабства. Одно — с бегством из страны, которое предлагал Игорь. Другое — темное, сырое, опасное, которое предлагал этот человек с татуировками под пиджаком.

Громов был опаснее любого врага. Но только он держал в руках ключ от клетки.

Он протянул мне распечатанный договор и ручку. Ручка была тяжелой, металлической, холодной.

— Подпиши контракт на консультационные услуги задним числом, — приказал он. — Дата — до твоего увольнения. Место действия — моя лаборатория. Или завтра они снова придут к тебе, а я останусь в стороне. Выбирай, Вера. Быстро.

Глава 5

Воздух в «Кофеине» пах жженым сахаром и чужим благополучием. Я сидела у окна, где солнце било прямо в глаза, заставляя щуриться, как бездомная собака на морозе. Передо мной стояла пустая чашка — официант унес счет и с тех пор делал вид, будто меня здесь нет. Три минуты. Я считала их по секундной стрелке наручных часов, которые Игорь подарил мне на годовщину. Стрелка ползла медленно, издевательски, отмеряя время моего унижения.

На юбке остался грязный залом. Я тянула ткань на коленях, пытаясь расправить её под столом, и вспоминала, как гладила каждую складку перед выходом в лабораторию. Сегодня даже это оказалось мне не под силу. Люди вокруг говорили о стартапах, об ипотеках, о новых коллекциях сумок. Они смотрели сквозь меня, как смотрят на трещину в асфальте: мелкая неприятность, которую можно обойти.

Я положила купюру на стол. Пятьсот сверх стоимости кофе. Последняя крупная купюра. Бумага легла на пластик с шорохом, который прозвучал громче колокола. Официант, парень с татуировкой на шее и презрением в глазах, наконец заметил деньги. Он забрал их, не произнеся ни слова, и принес кофе. Черный, горький, остывающий быстрее, чем моя надежда на то, что мир еще справедлив. Я сделала глоток, чувствуя, как кислота обжигает воспаленные от недосыпа десны. Вкус был металлическим, как кровь.

Телефон завибрировал. Экран осветился именем «Игорь». Сердце пропустило удар, затем заколотилось где-то в горле. Я взяла трубку, не отвечая сразу.

— Вера? — его голос был мягким, бархатным. Тем самым голосом, под который я засыпала десять лет. — Ты там замерзла? Я выбросил твои старые вещи, они занимают место в шкафу. Если хочешь, могу привезти куртку. Или книги. Я знаю, ты любишь читать по вечерам.

Он говорил так, словно мы расстались по взаимному согласию, словно это было недоразумение, которое можно исправить совместным ужином. Слишком заботливо, слишком отчётливо. Я представила, как он потом включит этот разговор: вот, предлагал куртку, книги, помощь. А я отказалась. Кто там рядом с ним слушал — Марина? Или он записывал меня?

— Мне ничего от тебя не нужно, кроме тишины, — сказала я. Голос дрогнул, предательски тонкий.

— Так ты отказываешься от помощи? — в его интонации проскользнула сталь, мгновенно сменившая шелк. — Ну-ну. Увидимся в суде, дорогая.

Я сбросила вызов. Пальцы заныли, словно я коснулась оголенного провода. Тошнота поднялась волной, но я заставила себя допить кофе. Горечь помогала держаться.

Рядом со мной кто-то остановился. Каблуки звонко ударили по паркету. Я подняла глаза. Марина Лаврова. Она выглядела так, будто сошла с обложки журнала: безупречный макияж, очки с оправой цвета черепахового панциря, пальто, стоимость которого равнялась моей годовой зарплате до скандала.

Она не села напротив. Просто нависла, как грозовая туча.

— Выглядишь так, будто спала в машине, — констатировала она. Без злобы, скорее с любопытством энтомолога, изучающего жука в банке. — И этот запах... дешевый табак и пот. Это отчаяние, Вера? Оно имеет свой специфический аромат.

Марина положила на мой стол визитку. Белая, плотная бумага с золотым тиснением. На обратной стороне была приписка: «Для добровольного признания вины. Юрист корпорации».

— Подпиши отзыв на патент, — тихо сказала она, наклоняясь к моему уху. От неё пахло дорогими духами и холодом. — И уйдешь с минимальными потерями. Или будешь гнить в СИЗО за клевету. Выбор за тобой. Но помни: время работает против тебя.

Она развернулась и ушла, оставив после себя облако аромата и тяжелое ощущение, что меня только что поставили на счетчик. Мои руки дрожали. Я схватила визитку и разорвала

её пополам. Кусочки бумаги упали в остатки кофе, превратившись в мокрую кашу. Но страх никуда не делся. Он свернулся внутри меня, готовый прорваться в любой момент.

Я вышла на улицу, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Город шумел, машины гудели, люди спешили куда-то. Этот поток жизни раздражал своей нормальностью. Мир крутился дальше, даже если моя жизнь только что рухнула.

И тут я наткнулась на стену.

Не буквально, конечно. На мужскую грудь в сером пиджаке. Я отшатнулась, споткнувшись о бордюр, и едва не упала лицом в лужу. Кто-то перехватил меня за руку. Хватка была железной, но точной, не дающей упасть.

Я выпрямилась и посмотрела вверх.

Александр Громов.

Он возвышался надо мной, загораживая собой свет. Его лицо было каменным, глаза темными, непроницаемыми, как дно водохранилища. Он не здоровался. Не улыбался. Просто смотрел, и от этого взгляда по спине пробежали мурашки, смешанные с первобытным ужасом.

От него пахло дорогим табаком, холодным металлом и опасностью.

— У тебя есть семь часов, — сказал он. Голос низкий, хрипловатый, вибрирующий где-то в глубине грудной клетки. — После этого полиция заберет твои оригиналы. Те, что в обуви. Да, я знаю про них.

Я открыла рот, но звука не издала. Как он узнал? Кто следил за мной?

— Обойди меня, — прошептала я, пытаясь сделать шаг в сторону.

Александр сделал полшага следом, блокируя путь. Его тень накрыла меня целиком.

— Ты не можешь убежать от системы, Вера. Но ты можешь использовать её. Или быть ею раздавленной.

— Чего ты хочешь? — спросила я, чувствуя, как внутри холодеет все, кроме злости. Злость была последним топливом.

— Сделку. Защита от иска. Доступ к оборудованию. Моя частная лаборатория. В обмен на твой мозг и подчинение моим условиям.

— Это рабство, — фыркнула я, хотя голос предательски сорвался.

Александр усмехнулся. Одно движение уголков рта, жестокое и насмешливое.

— Рабство — это когда у тебя нет выбора. А у тебя есть выбор между тюрьмой и моим предложением. Посмотри на свой кошелек. Сколько там осталось? Двести рублей? А повестка в кармане уже горячая?

Я сунула руку в карман пальто. Повестка действительно лежала там, угловатая и злая. Кошелек был почти пуст. Он знал. Все знал.

— Я не буду передавать данные без подписанного договора, — сказала я, поднимая подбородок. — Я сама решу, какие фрагменты кода показывать. И я хочу видеть договор.

Александр замолчал. Он изучал меня, словно взвешивал на весах. Секунды тянулись бесконечно.

— Принято, — коротко бросил он. — Идем. Здесь слишком много глаз.

Мы перешли в закрытую часть кафе. VIP-зона отделялась тяжелой портьерой из красного бархата. Внутри было темно, тихо и душно. Александр сел в кресло напротив, расслабившись, как хищник, уверенный в своей силе.

Он достал телефон и повернул экран ко мне.

— Смотреть внимательно.

На видео был зал заседаний. За столом сидел Игорь. Рядом с ним — двое мужчин в гражданском, но с военной выправкой. Игорь подписывал документы, улыбаясь той самой обезоруживающей улыбкой, которую я помнила лучше всего на свете. Я прибавила громкость; сквозь помехи прорвались обрывки: «...препарат эффективен для локальных зон пора-

жения...», «...дозировка позволяет контролировать масштаб...», «...клинические испытания проведены на добровольцах...».

Мир качнулся. Меня затошнило.

Я ещё раз вслушалась в слово «поражение». В медицине оно звучало совсем иначе. Здесь люди обсуждали дозу и масштаб, будто речь шла о площади склада, а не о тех, кто перестанет дышать. Мой труд десяти лет, мои бессонные ночи, мои эксперименты над клетками — всё это стало инструментом убийства. Игорь знал. Он всегда знал. Я была для него не женой, не партнером, а источником сырья. Инструментом, который нужно было списать, когда работа будет сделана.

Я прибавила громкость ещё раз. Пусть скажут это отчётливо. Хотелось услышать каждое слово, чтобы потом Игорь не смог назвать его недоразумением.

— Ты знал? — спросила я Александра, глядя ему прямо в глаза.

— Я подозревал, — ответил он спокойно. — Теперь ты видишь картину целиком. Борьба не за авторство, Вера. Борьба за человечность. Или ты остановишь его, или станешь соучастницей массового преступления.

Я до сих пор хотела вернуть свое имя. Но теперь за цифрами дозировки вставали чужие лица — люди, которые даже не узнают, чем их убили. Обида никуда не делась; рядом с ней появился страх за них. Я не могла позволить этому уйти в производство. Не могла позволить Игорю стать генералом крови.

Александр протянул мне ключ. Тяжелый, старый, с грубой насечкой.

— Служебный вход в лабораторию на улице Промышленной, корпус Б. Там безопасно. Там чисто. Там есть всё, что тебе нужно.

Я взяла ключ. Металл был ледяным, пронизывая кожу до костей.

Но вместе с ключом он положил на стол фотографию.

Снимок был сделан ночью. Размытый, зернистый. На нем виднелась моя фигура у подъезда съёмной квартиры. И силуэт человека, наблюдающего за мной из тени дерева.

— Я защищаю активы, — сказал Александр, убирая телефон в карман. — А ты — мой актив. Самый ценный и самый рискованный. Не вздумай бежать, Вера. Я найду быстрее твоего мужа. И методы у меня будут... менее гуманистичными.

Он говорил о методах, глядя прямо на меня. Я перестала крутить ключ в пальцах. Этот человек мог убрать чужого преследователя с фотографии — а потом поставить на его место своего.

Я посмотрела на фото. На свою испуганную ночную версию себя. Затем на ключ в руке. Холодный металл обжигал ладонь.

Я положила фотографию на стол и крепче сжала ключ. На Промышленной было оборудование. Я могла снова работать, проверить то, что увидела, найти способ остановить производство. Страшно было по-прежнему; но теперь хотя бы понятно, зачем вставать завтра утром.

— Я не бегу, — сказала я, сжимая кулак так, что ногти впились в кожу. — Я иду вперед.

Александр усмехнулся. В этой усмешке было уважение.

— Тогда добро пожаловать в войну.

Я сунула ключ в карман. Он оттягивал ткань непривычной тяжестью. Теперь у меня было куда идти — и чем ответить.

Глава 6

Мой мир сжался до размера дверного глазка. Внутри подъезда пахло мокрой шерстью и дешевым дезодорантом консьержа, а за моей спиной шумел ветер, бьющий в окна первого этажа. Я стояла в подъезде дома, где была моя бывшая квартира, где когда-то мы с Игорем пили утренний кофе на кухне, обсуждая формулы молекул, которые спасут тысячи жизней. Теперь это была крепость врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.